
*ВЕРОНИКА
ТУШНОВА
(1911-1965)*

Она была потрясающе красива и безмерно талантлива. С её стихами о любви по подушке засыпало целое поколение девчонок. Рифмованные строки западали в душу и оставались в ней навсегда. Эту черноволосую, нежную, хрупкую женщину с большими печальными темно-кариими глазами называли «восточной красавицей». Она была очень мягкая и доброжелательная, готовая прийти на помощь по первому зову в любое время дня и ночи. Она умела видеть радость во всем и говорить «спасибо» за каждую малость...

С её датой рождения большая путаница. Одни называют -1911 год, другие -1915. Возможно, первый вариант более вероятный. Но и в наше время лишних поводов вспомнить о хорошем поэте не бывает.

Все начинается с детства...

Вероника с родителями

Родилась Вероника Тушнова 27 марта в Казани. Отец Вероники, Михаил Павлович, рано лишился родителей, рано встал на самостоятельный путь. Он окончил Казанский ветеринарный институт, один из старейших институтов России. Прошел нелёгкую службу военного врача на Дальнем Востоке... Вернувшись в Казань, Михаил Павлович начал работать в Ветеринарном институте, через несколько лет защитил докторскую диссертацию, стал профессором, впоследствии получил звание академика ВАСХНИЛ. Мать Вероники, Александра Георгиевна, родом из Самары, была художницей-любителем.

Родители Вероники

В Веронике Михайловне много как отцовских, так и материнских черт. Высокий интеллект отца, его мятежная прямота соединялись в ней с душевной теплотой матери, с её страстной увлеченностью искусством. Было время, когда Вероника Михайловна серьёзно задумывалась, не посвятить ли себя живописи. И не случайно любовь к краскам — одна из отличительных черт её поэзии... Веселая, остроумная, благожелательная к людям и в то же время правдивая до резкости — такой была Вероника в жизни, такова она и в поэзии.

В 1924 году Тушновы переехали на улицу Миславского. Двор их дома соприкасался с территорией цирка. Утром Вероника «просыпалась от великолепного, важного, грозного рыка львиного», потихоньку

пробиралась в этот мир чудес. Спустя много лет она в рисунках запечатлеет своих друзей: клоуна, зверей, птиц. В доме Тушновых, кроме кота, жил верный дог.

**Я с детства зверей любила,
котов за хвост не таскала,
а если синиц ловила,
так вскорости отпускала.**

Привязанности к животным, как и любви к цветам, В. Тушнова остается верна всю жизнь.

Значительную роль в формировании личности будущей поэтессы сыграли школьные годы. Училась Вероника тогда в одной из лучших школ города Казани — в школе №14 имени Радищева. В ней большое внимание уделялось иностранным языкам, французскому и немецкому, которые изучались с младших классов. Вероника обладала исключительной восприимчивостью к языкам. Позднее в университете ей впервые пришлось выступать в роли переводчика. На 125-летний юбилей университета приехал японский ученый, владевший немецким языком, и Веронике поручили сопровождать его. Со своими обязанностями переводчика она справилась превосходно. В знак признательности учёный подарил ей старинную японскую вышивку...

Веронике 14 лет. (крайняя с права)

Непререкаемым авторитетом в школе пользовался Борис Николаевич Скворцов, преподаватель литературы, любимый учитель В. Тушновой. Широко образованный, внимательный педагог, он один из первых заметил одарённость девочки, сочинения её нередко читал в классе как образцовые. Стихи Вероники часто появлялись в общешкольной стенной газете, её шутки пародии знала вся школа, многие из них сохранились в памяти её однокашников. Казань славилась своим театром. Юношеские стихи Вероники дают представление об увлечениях молодёжи театром, концертами. Сама Вероника любила и понимала музыку, неплохо пела, играла на рояле.

Большим событием в жизни казанской молодёжи были приезды В. Маяковского и С. Есенина. Так два поэта стали близки Веронике Тушновой с юношеских лет и оказали в дальнейшем немалое влияние на её поэзию. В 1928 году окончена школа.

Профессор Тушнов был на несколько лет старше своей жены, и в семье все подчинялось его желаниям и воле, вплоть до подачи на стол обеда или ужина. Вероника, черноглазая, задумчивая девочка, писавшая стихи с детства, но прятавшая их от отца, согласно его же непререкаемому "желанию" сразу после окончания школы поступила на медицинский факультет Казанского университета. В 1931 году отец Вероники переходит на работу во Всесоюзный институт экспериментальной медицины и вместе с семьёй переезжает в Ленинград, где Вероника заканчивает первый Ленинградский медицинский институт. По окончании института она проходит аспирантуру в Москве при кафедре гистологии. Готовит диссертацию. В научном сборнике появляются её статьи.

с мужем Ю.Б. Розинским

В 1938 году Вероника Тушнова вышла замуж за врача-психиатра Юрия Розинского. Через год родилась дочь Наташа. Но семейная жизнь не сложилась. Вскоре Юрий оставил Веронику. А она не теряла надежды, что он вернется, молилась и ждала возвращения любимого... Ведь у них подрастала дочь, так похожая на отца.

**Ты придешь,
конечно, ты
придешь
В этот дом, где
наш ребенок
вырос...**

Муж действительно вернулся, когда тяжело заболел, и ему стало совсем плохо. Он нуждался в помощи и утешении. И Вероника, переступив через обиды, заботилась о нём, выхаживала его и больную мать, ради заработка бесконечно

много и удачно переводя. *«Здесь меня все осуждают, но я не могу иначе... Всё же он-отец моей дочери»*, - говорила она. Переводы были одной из важных сторон деятельности Тушновой. Благодаря им для русского читателя стали доступны стихи многих зарубежных авторов. Она переводила поэтов Прибалтики и Кавказа, Средней Азии и Польши, Румынии, Югославии, Индии... Переводческая работа была важной и нужной: она делала доступным для русского читателя стихи многих и многих зарубежных поэтов.

с Ю.П. Тимофеевым

Вторым мужем поэтессы стал литератор Юрий Тимофеев. Но и второй брак оказался недолговечным. Вместе они прожили около десяти лет. «Мама была темпераментна, не ходила по квартире, а летала, бывала вспыльчива, всегда ничего не успевала... Расставание мамы с Юрием Павловичем было для неё очень тяжёлым», - рассказывала её дочь.

И все же увлечение поэзией, зародившееся в детстве, а также появление в печати её первых стихов подталкивали Веронику к иной сфере деятельности. Она делает окончательный выбор и в 1941 году подает заявление в литературный институт имени Горького. Но учиться не пришлось. Началась война, нарушив все её планы.

Она с маленьким ребёнком на руках и больной матерью эвакуировалась из

**В.Тушнова (слева) в Казанском госпитале,
1941-1942 г.**

Москвы и работала в госпиталях Казани. Там, будучи палатным ординатором, она слыла главной утешительницей, могла вдохнуть жизнь в безнадежных больных и боролась за каждое мгновение человеческой жизни. Она буквально жила судьбами своих пациентов, близко к сердцу принимая чужую боль и чужие страдания. Перед её глазами угасали и вновь рождались тысячи жизней бойцов.

**Я за годы войны
побывала во всех городах,
потому что вот тот
из Тбилиси, а тот из Орла,
потому что у этого мать
в Бухаре умерла.
Кто-то пишет в Москву.
У кого-то в Армении дочь.
И чужую тоску
я баюкаю каждую ночь.**

Её прозвали «доктором с тетрадкой», потому что редкие минуты свободного времени Тушнова посвящала стихам. Её часто находили пишущей в какой-нибудь маленькой комнатке. «Вероника Михайловна не была обычным лечащим врачом,- вспоминала одна из коллег Тушновой той поры.- Она бросалась всей душой и силами в судьбу раненого, больного, на помощь, как при сигнале SOS. Она больно обжигалась о человеческие страдания. Из этого рождались стихи. Раненые любили её восхищенно. Её необыкновенная женская красота была озарена изнутри, и поэтому так затихали бойцы, когда входила

Вероника».

За военные годы в Казани напечатано только одно стихотворение. Но приметы времени и детали быта в её стихах убеждают, что казанские впечатления дали жизнь целому ряду её стихотворений. Среди них такие прекрасные стихи, как «Яблоки», «Салют», «Мать».

В феврале 1943 года Вероника Михайловна возвращается в Москву. Снова она работает врачом-ординатором в госпитале.

Исключительное значение в творческой биографии поэта имел 1944 год. В «Новом мире» появляется её стихотворение «Хирург», посвященное Н.Л. Чистякову, хирургу московского госпиталя, в котором работала Вероника Тушнова. В этом стихотворении раненый, вдыхая эфир, вглядывается в лицо хирурга и вспоминает, что именно так смотрел на него отец в раннем детстве, а хирург вглядывается в лицо этого молоденького солдата, потому что ему недавно сообщили о гибели сына.

В одном из своих интервью Вероника Тушнова вспоминала: *«Я была школьницей старших классов, когда ощутила необходимость написать замечательные стихи о любви. Только несколько лет спустя я смогла оценить действительные размеры постигшей меня неудачи. Стихи были не мои! Их наполняли слёзы, грёзы, луна, страдания. В них были удачные рифмы и редко-редко проскальзывала живая строка, согретая живым и подлинным чувством. В них не было мыслей. А ведь мысль — это тот стержень, на котором держится всё стихотворение.*

*Думаю, что по - настоящему я стала писать во время войны. Я работала в госпитале с утра до ночи и очень редко бралась за карандаш. Но сколько я передумала и перечувствовала за это время! И что самое удивительное, у меня появилось новое, никогда ещё не испытанное мною чувство: мне вдруг захотелось, чтобы стихи мои узнали, прочли, и мне хотелось своими стихами вмешаться в жизнь, что-то изменить в ней. В 1944 году, когда я напечатала свои первые стихи, произошло событие, имевшее для меня громадное значение. В «Комсомольской правде» был опубликован цикл моих стихов под названием **«Стихи о дочери»**.*

Тихая, безлунная
Наступила ночь.
Все о сыне думала,
А сказали: «Дочь».

Хорошо мечтается
В белизне палат...
Голубые лампочки
У дверей горят.

Ветер стукнул форточкой,
Кисею струя.
Здравствуй, милый сверточек,
Доченька моя!

Все такое синее,
На столе – цветы.
Думала о сыне я,
А родилась – ты.

Ты прости, непрошенный
Ежик сонный мой.
Я тебя, хорошую,
Отвезу домой.

Для тебя на коврике
Вышита коза,
У тебя, наверное,
Синие глаза...

Ну... а если серые,
Маме все равно.

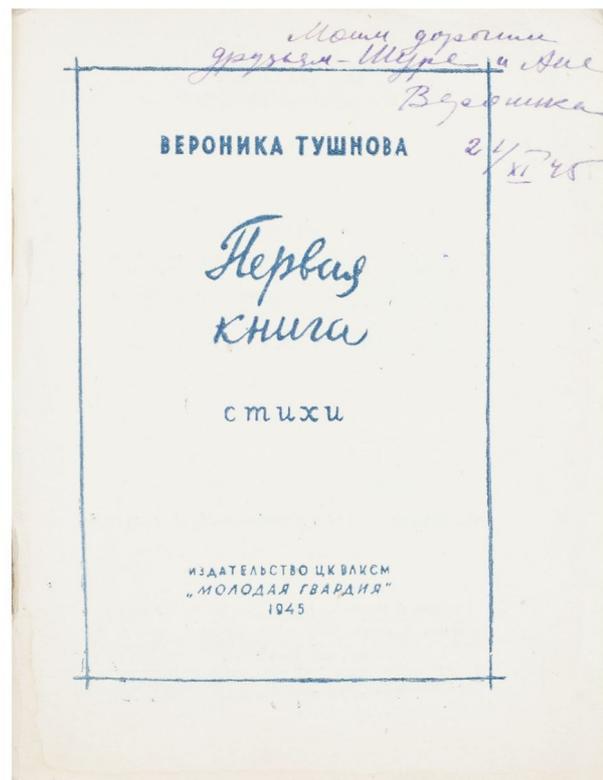
Утро твое первое
Смотрится в окно

с дочерью

Я написала их действительно о своей маленькой дочке, и они мне казались слишком личными. Но их напечатали, и я была этим обрадована и встревожена. Но это не главное. Главное то, что через некоторое время я стала получать письма. Их писали самые разные люди. Но во всех этих письмах, говорилось одно: «Хорошо, что Вы написали о наших детях!» Каким счастьем было для меня читать слово «наших».

В 1945 году состоялся литературный дебют поэтессы — вышел в свет её сборник стихотворений «Первая книга». Это был сравнительно поздний дебют - Веронике Михайловне было уже 29 лет - и прошел он как - то незаметно, тихо,

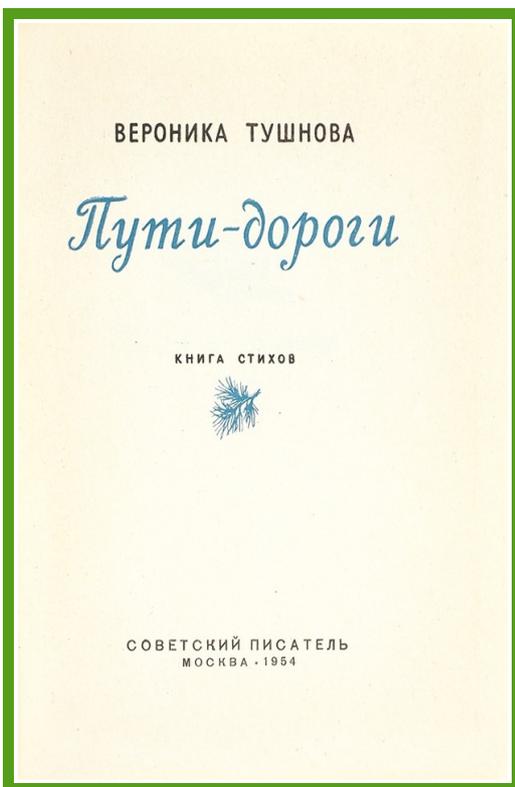
он не был ослепительным, но её имя сразу запомнили те, кто знал в поэзии толк. Есть в её стихах такой разлёт, такая скорость, что ошибиться невозможно — перед нами поэзия не ума и старания, а таланта и словесной интуиции.

Там далёко,
за холмами синими,
за угрюмой северной рекой,
ты зачем зовешь меня по имени?
Ты откуда взялся?
Кто такой?
Голос твой блуждает темной чащей,
очень тихий,
слышный мне одной,
трогая покорностью щемящей,
ужасая близостью родной.
И душа,

**как будто конь стреноженный,
замерла, споткнувшись на бегу,
вслушиваясь жадно и встревоженно
в тишину на дальнем берегу.**

Говоря о её творчестве, многие критики упрекали поэтессу в странной линии грусти, который звучит во многих её стихах. Особенно тех, которые посвящены войне. Между тем самое лучшее в ранних стихах Тушновой — как раз то, что было исторгнуто из глубоко потрясенного войной сердца женщины и матери.

«Первая книга» стихов была встречена доброжелательно. Вторая книга Вероники Михайловны «Пути-дороги» увидела свет в 1954 году. Её призывали писать на злобу дня и она старалась, как могла. Она долго не решалась выпустить ее в свет. Книга была озаглавлена так же, как один из её разделов, в котором были напечатаны стихотворения, написанные часто в дороге и

навеянные дорожными встречами и впечатлениями, знакомствами с новыми людьми и новыми местами. Эти десять лет были очень трудными для Вероники Михайловны. Она искала свой собственный путь в поэзии. Искала тяжело, мучительно, часто сбиваясь с такта и много теряя и для сердца и для таланта.

Но самым удачным оказался последний раздел книги «Стихи о счастье». В нём голос поэтессы свободный и естественный:

**Я давно не писала стихов о весне.
Не писала стихов о тебе, о себе...**

В нём истинное лицо В.Тушновой — любящей, томящейся, страдающей, наполненной теми чувствами, которыми живёт и множество других женщин со своими

жестокими «вьюгами», счастливыми и горькими минутами, с тревожным ощущением неумолимого бега времени и с упрямой, пусть и не раз обманывавшей, верой в счастье:

**...Я перестану ждать тебя,
а ты придешь совсем внезапно.
А ты придешь, когда темно,
когда в стекло ударит вьюга ...**

«Не отрекаются любя...»

Эта глубоко интимная и в то же время способная отозваться в тысячах душ грустью, надеждой, болью нота ещё больше окрепла в книге «Память сердца» (1958), где главная тема поэтессы уже вышла на первый план, решительно

**...любовь на свете есть.
Единственная - в счастье и в печали,
в болезни и здравии - одна,
такая же в конце, как и в начале,
которой даже старость не страшна.**

.....

**Любовь, не знающая увяданья,
любовь, с которой несовместима ложь...
Верь, слышишь, верь в ее существованье,
я обещаю,- ты ее найдешь.**

«Твой враг»

Основная тема стихов Тушновой – Любовь, со всеми ее горестями и радостями, утратами и надеждами, без которой жизнь не имеет смысла. Стихи, являющиеся образцом высочайшей, самоотверженной женской лирики поэтессы, выучивались и переписывались в тетради многими поколениями читателей.

Любовь возвышает человека над обыденностью, делает его окрыленным, с ней связаны горе и радость, утраты и надежды, настоящее и будущее. Любовь в понимании Вероники – это когда все на двоих. Но в жизни поэтессы не было этого самого главного – Любви, а значит, не было и самой жизни:

**Вокруг меня как будто бы ограда
чужих надежд, любви, чужого счастья...
Как странно - всё без моего участия,
Как странно - никому меня не надо.
Как странно - я со всем живым в разлуке...**

«И вот опять со мною одиночество...»

Нельзя сказать, что громада страны вообще отсутствует в ранней лирике Тушновой. То есть, что она избегает советских символов. Нет, но она не делает из этого особой темы, никак не акцентирует на этом внимания, замечает изредка и как-то вскользь, как что-то само собой разумеющееся. *«Легкий флаг полощется над пристанью резною», «Кричат «ура», и я с трибуной рядом»*. Не с флагом в руке и не на трибуне. Рядом. Не совсем такая, как все, но, в общем, своя.

Стихи Вероники Тушновой, прожившей свою осознанную жизнь при советской власти, яркий пример того, как можно было в литературе того времени не впасть в идеологическую конъюнктуру и при этом не испытывать никаких гонений. Она сочетала в себе восточную маслянистость внешности с бисерно-звёздным именем. Основой её судьбы было неброское благородство, благородство как необходимость, а не усилие; главным творческим стимулом — любовь, растекающаяся по всему миру и нежностью, и страстью, и тоской.

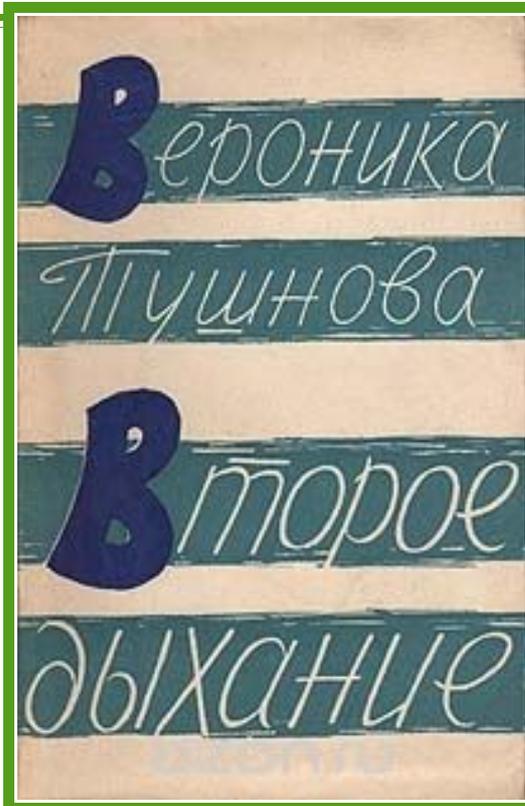
**Ты на рынке мне купил голубку.
Маленькую, худенькую, хрупкую,
Рыжевато-палевой окраски,
Птицу, прилетевшую из сказки.**

В 1961 году выходит сборник «Второе дыхание».

«Раскрепощение» любовной темы, произошедшее в середине 50-х годов, порою оборачивалось в творчестве некоторых авторов бесконечным «тиражированием» однообразных ситуаций и переживаний, лишенных подлинного эмоционального накала.

Тушновой «повезло»: чувство, подсказавшее ей стихи последних лет жизни — от «Второго дыхания» до «Ста часов счастья»(1965), - было по всем статьям трудным и драматичным.

Дело в том, что после войны поэтическая судьба Тушновой складывалась успешно. У неё выходили новые книги, она руководила творческим семинаром в Литературном институте, занималась стихотворными переводами. Восторженные читательницы переписывали её стихи от руки и выучивали их наизусть. Но в личной жизни всё как-то не складывалось. Вероника чувствовала себя обделённой — у неё не было любви, а без любви она не мыслила себе жизни. И вдруг судьба сделала ей неожиданный подарок — подарила вторую молодость, подарила любовь, безграничную и безмерную, которая полностью захлестнула её и вызвала целую лавину самых прекрасных её стихотворений. Это была любовь к поэту и прозаику Александру Яшину, родившемуся с Вероникой в один день. *«Он мне и воздух, он мне и небо, всё без него бездыханно и немо»*, говорила поэтесса о своём любимом, а своё чувство к нему называла *«бурей, с которой никак не справлюсь»* и доверяла малейшие его оттенки и переливы своим стихам. И в этой буре наконец-то раскрылось все лучшее в её существе.

А. Яшиным

Александр Яшин везде, где появлялся, производил на всех огромное впечатление. Он был красивым, сильным человеком, очень обаятельным и очень ярким, *«с повадкой орлиной, с душой голубиной, с усмешкою дерзкой, с улыбкою детской»*, как писала о нём Тушнова. К моменту сближения с Вероникой он переживал тяжёлые времена. - оголтелую травлю, обрушившуюся на него после публикации рассказа «Рычаги», в котором он рассказал правду о русской деревне. Вероника, одна из многих, поддержала его, отогрела и оживила своей любовью его *«пасмурную душу»*. Эта была любовь взаимная, но скрытая от посторонних глаз — Яшин был мужем и отцом. Уже во «Втором дыхании» Вероника писала:

**Стоит между нами
не море большое -
горькое горе,
сердце чужое.**

«Хмурую землю...»

Он воспитывал семерых детей от разных браков, и семью поэта в шутку называли «яшинским колхозом». Яшин не мог оставить жену и детей, да, наверное, Тушнова и не согласилась бы на такой шаг. Она не чувствовала бы себя счастливой, сделав несчастными других. Вероника ничего не требовала от любимого, всё понимая и принимая, хотя жить во лжи ей, с её открытым сердцем и чистой душой было непросто. *«Сутки с тобою, месяцы — врозь»...* А ей так хотелось постоянно быть рядом с ним. Но он не мог ей ничего обещать, предпочитая молчание. Будущего у этих отношений не было. Вероника и Александр встречались тайно, в других городах, в гостиницах, но больше всего любили ездить в лес, бродили целыми днями, ночевали в охотничьих домиках. А когда возвращались в Москву на электричке, Вероника, по просьбе Яшина, выходила на несколько остановок раньше, чтобы их не видели вместе...

Но, несмотря на все предосторожности, сохранить отношения в тайне не удалось. Друзья осуждали влюблённых, в семье Александра назревала драма. Их любовь была обречена. Александр принял трудное для себя решение — расстаться с Вероникой. Как же мучительно переживала Тушнова своё одиночество! Горло словно сдавила петля, сердце придавило *«глыбой в тонну»*. Она часто бродила по тем местам, где они бывали вместе. Не имея возможности видаться с любимым, она говорила с ним стихами, в которых открывалась целая эмоциональная вселенная человека, стихами, настолько искренними и исповедальными, что они воспринимались, как лирические дневники.

**«Разжигаю костры и топлю отсыревшие печи,
и люблюсь, как ты расправляешь поникшие плечи,
и слежу, как в глазах твоих льдистая корочка тает,
как душа твоя пасмурная рассветает и расцветает».**

Что касается отношений Вероники Тушновой и Александра Яшина, то тут дело не в заурядном — хотя в своей реальной конкретности всякий раз болезненном и даже драматическом - «любовном треугольнике», чьи очертания по большей части еле-еле, целомудренно проступают в стихах Тушновой. В них куда сильнее звучит далеко не узко личный мотив обделенности счастьем, роднящий многих и многих, особенно принадлежавших к тому выбитому войной поколению:

**Как часто лежу я без сна в темноте,
и всё представляются мне
та светлая речка
и ёлочки те
в далёкой лесной стороне.
Как тихо, наверное, стало в лесу,
раздетые сучья черны,
день убыл — темнеет в четвёртом часу,
и окна не освещены.
Ни скрипа, ни шороха в доме пустом,
он весь потемнел и намок,
ступени завалены палым листом,
висит заржавелый замок...
А гуси летят в темноте ледяной,
тревожно и хрипло трубя...
Какое несчастье
случилось со мной —
я жизнь прожила
без тебя.**

“Как часто лежу я без сна в темноте...”

Любовь к одному единственному в её стихах сливается часто с любовью к земле, на которой он живет, и к самому обыденному быту:

**Я просыпаюсь рано,
слушаю звуки дома:
дрова перед печкой брошены,
брякнул дверной замок,
одна за другой
картошины
падают в чугунок.**

«Звуки дома»

Последние годы В. Тушновой были очень трудными — тяжелая болезнь, сложная, неустроенная личная жизнь. Все отзывалось болью в душе. И эта боль была вся как на ладони. Может быть, от невыносимого горя, тоски и переживаний она и заболела смертельной болезнью.

**Я стою у открытой двери,
я прощаюсь, я ухожу.
Ни во что уже не поверю,—
все равно
напиши,
прошу!
Чтоб не мучиться поздней жалостью,
от которой спасенья нет,
напиши мне письмо, пожалуйста,
вперед на тысячу лет.
Не на будущее,
так за прошлое,
за упокой души,
напиши обо мне хорошее.
Я уже умерла. Напиши!**

Когда Вероника лежала в больнице в онкологическом отделении, Яшин навещал её. Поэт Марк Соболев, долгие годы друживший с Вероникой, вспоминал: *«Я, придя к ней в палату, постарался её развеселить. Она возмутилась: не надо! Ей давали злые антибиотики, стягивающие губы, ей было больно улыбаться. Выглядела она предельно худо. Неузнаваемо. А потом пришёл — он! Вероника скомандовала нам отвернуться к стене, пока она оденется. Вскоре тихо окликнула: «Мальчики...». Я обернулся — и обомлел. Перед нами стояла красавица! Не побоюсь этого слова, ибо*

сказано точно. Улыбающаяся, с пылающими щеками, никаких хворей вовеки не знавшая молодая красавица. И тут я с особой силой ощутил, что все, написанное ею, - правда. Абсолютная и не опровержимая правда. Наверное, именно это называется поэзией...».

А в последние дни, пребывая в тяжёлых мучениях, Вероника запретила пускать Александра к себе в палату. Она хотела остаться в его памяти красивой, весёлой, живой...

«Сто часов счастья» - так назвала поэтесса свою последнюю книгу стихов, посвященную Александру Яшину. Пафос её — в программных строках первого стихотворения:

**Это зря говориться,
Что надо счастливой родиться.
Нужно только, чтоб сердце
Не стыдилось над
счастьем трудиться.**

В типографии торопились, знали, что Вероника умирает. Ей удалось подержать в руках сигнальный экземпляр книги.

Поэтессы не стало 7 июля 1965 года. Ей едва исполнилось пятьдесят. Её прощание с жизнью светло и мудро:

**А стоит ли уж так печалиться,
Прощаясь с миром дорогим.
Ничто на свете не кончается,
Лишь поручается другим.
Другим любовь моя завещана,
В других печаль моя горька...**

Смерть Вероники потрясла Александра до глубины души. Только теперь он осознал, как много она значила для него. Он не смог долго жить без любимой и через несколько лет ушёл из жизни с тем же страшным диагнозом. Не отрекаются, любя...

**Не отрекаются любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
а ты придешь совсем внезапно.
А ты придешь, когда темно,
когда в стекло ударит вьюга,**

когда припомнишь, как давно
не согревали мы друг друга.
И так захочешь теплоты,
не полюбившейся когда-то,
что переждать не сможешь ты
трех человек у автомата.
И будет, как назло, ползти
трамвай, метро, не знаю что там.
И вьюга заметет пути
на дальних подступах к воротам...
А в доме будет грусть и тишь,
хрип счетчика и шорох книжки,
когда ты в двери постучишь,
взбежав наверх без передышки.
За это можно все отдать,
и до того я в это верю,
что трудно мне тебя не ждать,
весь день не отходя от двери.

О том, как явственно обозначилась на поэтическом небе звезда Вероники Тушновой, хорошо сказала в посвященном ей стихотворении Юлия Друнина:

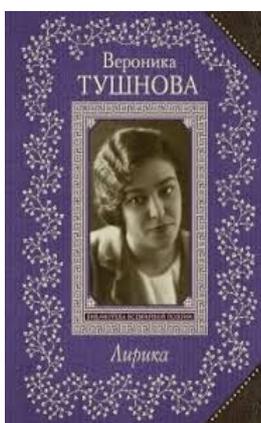

...Да, ты ушла. Со смерти взятки гладки.
Звучат других поэтов голоса.
Иные голосистей. Правда это.
Но только утверждаю я одно:

И самому горластому поэту
Твой голос заглушить не суждено,
Твой голос - тихий, как сердцебиенье.
В нем чувствуется школа поколенья,
Науку скромности прошедших на войне -
Тех, кто свою "карьеру" начинали
В сырой землянке - не в концертном зале,
И не в огне реклам - в другом огне...

Вероника Тушнова - выдающийся русский поэт. Её надолго пережили её строки. А некоторые стали почти народными, что для поэта самое большое признание.

Поэзию Вероники Тушновой отличают тонкий лиризм, трепетное отношение к любви, природе. Её стихи легко узнаваемы. И по-прежнему востребованы.

А знаешь, всё ещё будет!
Южный ветер еще подует,
и весну еще наколдует,
и память перелистает,
и встретиться нас заставит,
и еще меня на рассвете
губы твои разбудят.
Понимаешь, все еще будет!
В сто концов убегают рельсы,
самолеты уходят в рейсы,
корабли снимаются с якоря...
Если б помнили это люди,
чаще думали бы о чуде,
реже бы люди плакали.
Счастье - что оно? Та же птица:
упустишь - и не поймаешь.
А в клетке ему томиться
тоже ведь не годиться,
трудно с ним, понимаешь?
Я его не запру безжалостно,
крыльев не искалечу.
Улетаешь?
Лети, пожалуйста...
Знаешь, как отпразднуем
Встречу!

